

ТЕРРОР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ в ИНТЕРПРЕТАЦИИ Даниэля ГЕРЕНА

Альтернативы. 2006. № 1. С.167-176

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*. За предоставление статьи благодарим Автора и за энергичное содействие – *Eleonore*.

Герен Даниэль (1904-1988) – деятель французского рабочего движения, социальный мыслитель, теоретик либертарного коммунизма, правозащитник. В начале 30-х гг. примыкал к революционным синдикалистам, затем вступил в СФИО, присоединившись к ее левому крылу. Один из лидеров забастовочного движения во Франции в 1936 г. В 1938 г. участвовал в создании Рабоче-крестьянской социалистической партии. Участник антифашистского подполья. После войны – троцкист, сторонник М.Пабло. Активный участник борьбы против войны в Алжире, организатор ряда антивоенных кампаний. В конце 60-х гг. переходит на позиции своего рода анархо-марксизма.

Основные работы: «Коричневая чума», «Фашизм и крупный капитал», «Народный фронт – неудавшаяся революция», «Классовая борьба во время Первой Республики (1793-1797)», «Бен Барка и его убийцы – шестнадцать лет расследования», «Анархизм». Составитель антологии анархических текстов «Ни Бога, ни хозяина».

На наших сайтах о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#guerin>

Террор остается достаточно мало изученным и зачастую плохо понятым аспектом французской революции. Тому есть ряд причин, первая из которых – относительный недостаток информации. Сюда же следует добавить сложность проблемы, которая сама имеет различные аспекты и связана с другими ключевыми проблемами революции – проблемами власти и насилия, которые могут трактоваться по-разному, что и происходит на практике.

Таким образом, чтобы попытаться понять революционный Террор в его комплексности, необходимо изучение не только всех существующих документальных источников, но и разнообразных интерпретаций данного феномена. Значительный интерес представляют в этой связи работы Даниэля Герена – выдающегося социального и политического мыслителя XX века. Правда, террор не является в них основной темой: все три книги Герена о французской революции [1] посвящены специальной проблеме – классовой борьбе в рамках буржуазной революции. Кроме того, они не свободны от фактических ошибок в том, что касается Террора. Но что имеет особую историческую ценность, так это подход Герена, его интерпретация генезиса и сущности феномена, который можно считать определяющим для революционного процесса.

Когда Герен писал свою первую и главную книгу о французской революции, «Классовая борьба во время Первой Республики», он разделял троцкистские идеи и применил к революции, которая привела к установлению во Франции буржуазной системы, теорию перманентной революции Л.Д.Троцкого. Эта теория, разработанная Троцким в эпоху, сильно отличную от XVIII века, могла быть приложена к истории французской революции лишь частично. В частности, Герен использовал тезис о том, что в развитии революции наступает момент, когда лишь находящийся в меньшинстве авангард осознает ее подлинные задачи и вынужден навязывать свою волю всему населению. «Поначалу и по преимуществу, - продолжает Герен, - путем убеждения, и, если убеждение не достигает своих целей, то посредством принуждения».[2]

Какой же возможностью навязать свою волю и осуществить принуждение располагает этот находящийся в меньшинстве авангард, если не властью? По мнению Герена, «на всем протяжении французской революции постоянно и противоречивым образом ставился вопрос о формах народовластия».[3] В этой связи он проводит антитезу представительной (то есть буржуазной) власти и непосредственной власти суверенного народа. Проблема власти сама по себе заслуживает отдельного изучения; нас же интересуют воззрения Герена на связь власти с Террором, ибо именно властные структуры осуществляли его в рассматриваемый нами период (сентябрь 1793-июль 1794 гг.) в полном соответствии с законом.

Герен подробным образом показывает, что в критической для революции ситуации, обусловленной внешней интервенцией, внутренней контрреволюцией и вызванным ими продовольственным кризисом, требование террора исходило снизу, от парижских народных масс – санкюлотов, или «bras-nus» [4] (Герен предпочитал это наименование). 4-5 сентября 1793 года состоялись народные манифестации, вдохновляемые «бешеными» [5] и поддержанные Коммуной Парижа, [6] под лозунгом «Хлеба и Террора!» Народные массы вырвали у Конвента одобрение мер, которые представлялись им необходимыми для сохранения и развития Республики. Что конкретно имелось в виду? 5 сентября Собрание вотировало формирование Революционной армии [7] (окончательно организованной 20 октября), упрощение процедуры судопроизводства в Революционном Трибунале.[8] 17 сентября был принят известный Закон о

подозрительных, предписывавший арестовывать аристократов, родственников эмигрантов и других лиц, которых считали противниками революции. 29 сентября был принят первый максимум (установлены твердые цены на продукты первой необходимости) – основное экономическое требование «bras-nus». 10 октября правительство было объявлено «революционным вплоть до заключения мира»; демократическую Конституцию 1793 года заменил чрезвычайный режим. Наконец, 4 декабря (14 фримера) эта политика получила дальнейшее законодательное развитие. Таким образом, процесс формирования нового режима занял достаточное время. Комитет общественного спасения [9] и Конвент колебались, не желая принимать жесткие меры, и только внешние опасности, а также давление снизу вынудило их действовать. Герен замечает, что «народная власть [10] [...] в условиях внешних неудач требовала беспощадного наказания внутреннего врага».[11] Здесь необходимо подчеркнуть одну вещь: все эти меры, политические, экономические и юридические, за которые ратовал «народный авангард», были государственными. Террор, которого требовали народные массы, стал легальным оружием правительства.

Не подлежит сомнению, что эта политика успешно защитила революционную Францию и на время улучшила положение народа. Но какой ценой? Рассмотрим некоторые аспекты Террора, исследованные Гереном.

Во-первых, «бешеные», самая радикальная группа «народного авангарда» и решительные сторонники революционного террора, сами стали его жертвами. По сути это была группа меньшинства, проводившая «сектантскую» линию (таково мнение российского историка В.Г.Ревуненкова, который им, впрочем, симпатизировал): [12] в момент, требовавший единства всех революционных сил, их популярные требования сопровождались демагогической критикой других представителей bras-nus. И Герен с горечью отмечает: «Гора, выполнив часть их программы, лишила их внимания санюлотов. [...] Жак Ру [13] и его друзья утратили смысл существования».[14] Активисты «бешеных» были арестованы, Жак Ру покончил с собой в тюрьме.

Герен высоко оценивает деятельность Революционной армии. Эти вооруженные формирования, призванные снабжать города продовольствием за счет осуществляемых в деревнях реквизиций, «навязали фермерам спасительный террор».[15] Далее он пишет: «Центральные и департаментские революционные армии повсеместно использовали эффективный террор».[16] Чего им, по его мнению, не хватало, так это достаточной компетентности. На самом деле эти армии представляли собой некое подобие большевистских продотрядов 1918 года и действовали, не останавливаясь перед пролитием крови. Точное число их жертв неизвестно. Чтобы ограничить произвол со стороны революционных армий, правительство распространило на них армейские правила. «Декретом от 4 декабря объявлялось о роспуске департаментских революционных армий».[17] Революционная армия была окончательно ликвидирована через две недели после разгрома эбертистов.[18]

Не подлежит сомнению, что большинство жертв Террора составляли жители департаментов, куда были отправлены представители Конвента с целью проведения там революционной политики. Многие из этих комиссаров способствовали победам над интервентами, подавлению контрреволюции, улучшению жизни народа. Но были и другие, получившие известность в основном из-за совершенных ими эксцессов. Например, Фуше, в то время ультрареволюционер, проводивший политику насильственной «дехристианизации» в Невере, а затем в Лионе, где созданная им вместе с другим народным представителем, Колло д'Эрбуа, Комиссия по правосудию вынесла 1667 смертных приговоров.[19] Или Карье, который, по оценке американского историка Д.Грира, несет ответственность за уничтожение в Нанте от 2 тысяч до 4.860 человек. Можно привести и другие примеры. Допущенные комиссарами «перегибы» стали известны правительству, и 25 ноября оно приняло решение сократить полномочия командированных представителей.[20] Согласно закону 4 декабря, «им запрещалось выносить смертные приговоры».[21] Большинство повинных в злоупотреблениях представителей было отозвано Комитетом общественного спасения. Закон 26 жерминаля 1794 года предписывал отправлять всех обвиняемых в парижский Революционный Трибунал, в результате чего репрессии в провинции резко сократились. Но в условиях того времени правительство не смогло отдать под суд преступных комиссаров. Впоследствии именно они внесли немалый вклад в переворот 9 термидора...

После того как ослабла опасность извне, борьба за власть усилилась в самом революционном лагере. Напомним, что вопрос о власти являлся одним из основных в Революции, и в особенности возросло его значение при авторитарном режиме. Образовались две фракции, вокруг Эбера и Дантона. Одну из них, эбертистов, позиционировавших себя левее правительства, Герен называет «плебеями». И дает блестящую характеристику этой группы: «Плебеи служили буржуазной революции, одновременно не забывая о себе».[22] «Они были мастерами в искусстве манипулировать им [народом – Ю.Г.], использовать его».[23] Следует отметить, что основным требованием эбертистов было усиление Террора (и кровавые комиссары, о которых мы говорили выше, принадлежали к этой группе), их экономические требования являлись довольно неопределенными и не шли дальше того, что предлагало правительство: их документы «доносят лишь весьма приглушенное эхо непосредственных народных требований».[24] Они боролись главным образом за власть, используя поддержку масс в качестве средства борьбы.[25]

Зима II года выдалась нелегкой не только для революционных властей, но и для народных масс. Режим таксации, позволявший санюлотам покупать по невысоким ценам необходимые продукты, одновременно привел к росту дефицита. Это вызвало забастовки, в которых нашло отражение недовольство bras-nus, происходил процесс формирования новых классовых отношений. Даже если «во время Террора отношения между буржуазией и bras-nus более-менее скрывались, оба класса могли показаться объединившимися в борьбе за торжество Революции», [26] недовольство низов грозило прервать это «классовое сотрудничество». Даниэль Герен приводит ценные сведения о трудовых конфликтах во Франции.

«Продовольственный кризис достиг своей кульминационной точки в первой половине марта. [...] Он вызвал раскол», [27] - пишет автор. По его мнению, именно столкнувшись с кризисом, правительство решило уничтожить эбертистов и даже покончить с народным движением. В действительности это было не совсем так. На самом деле происходила борьба за власть между двумя группами революционного лагеря. Некоторые источники¹[28] позволяют предположить, что правительство хотело избежать раскола и даже вело тайные переговоры с представителями обеих фракций. И именно эбертисты «первыми открыли огонь». Герен отмечает, что, начиная со 2 марта, они заговорили о восстании, которое было открыто провозглашено 10 дней спустя. Так «они предоставили власти достаточно предлогов для того, чтобы оправдать в глазах общественного мнения их арест и последующую казнь». И автор добавляет: «Уничтожить их было относительно легко, потому что они не сумели или не захотели в достаточной степени сблизиться с народными массами».[29] Действительно ли, используя этот предлог, правительство положило конец народному движению? Герен подробно описывает последующие события, и его рассказ позволит нам дать ответ на этот вопрос.

Произошли аресты в секциях,²[30] в частности, в революционных комитетах.[31] Народные общества [32] Парижа были распущены, хотя в провинции они продолжали свою деятельность. 10% членов Генерального совета Коммуны были смещены и заменены теми, кого назначили власти. Таким образом, нельзя категорически утверждать, что народное движение было полностью *подавлено*: скорее, оно оказалось *ограничено*. Но, желая упрочить свое влияние среди рядовых революционных активистов, правящая группа в действительности лишь сузила свою социальную базу.[33]

После удара налево правительство нанесло удар направо, предъявив обвинения лидерам другой фракции, руководимой Дантоном. Эта фракция требовала отмены революционного порядка управления, экономической свободы, прекращения Террора. Как Герен объясняет ее разгром? Он полагает, что стоявшая у власти буржуазия считала «неприкосновенными те завоевания революции, которые принесли ей власть и богатство. [...] Вот почему ей следовало выправить уклон революции таким образом, чтобы та не смогла выродиться в контрреволюцию, на которую опирался Дантон и которая грозила захлестнуть его самого».[34]

Данное замечание о Дантоне представляется достаточно обоснованным. Однако следует уточнить, что эта самая новая буржуазия, заполучившая «богатство» (но отнюдь не полную «власть»), как раз – и бесспорно – стояла за Дантоном. Какие причины побудили правительство порвать с этой социальной силой? Очевидно, что руководители Комитета общественного спасения хотели продолжить движение Революции по *антибуржуазному* пути, на который направили ее народные массы [35] (это признано многими современными историками, даже если некоторые из них называют данную тенденцию «заносом»). Мы не имеем возможности развивать этот тезис в данной статье и поэтому ограничимся одним примером. Накануне 9 термидора, когда представители противоборствующих групп в Комитете общественного спасения предприняли попытку «сохранить видимость единства», группа Робеспьера потребовала выполнения вантозских декретов (предписывавших перераспределение собственности в пользу «неимущих»). Их противники согласились, потребовав, в свою очередь, отправить на фронт верные Робеспьеру артиллерийские части. Оба решения были приняты.[36] Таким образом, до самого конца существования революционного правительства предпринимались попытки продолжить проведение антибуржуазной политики.

Избавившись от соперников справа и слева, правительство оказалось, «на самом деле опасно ослабленным» [37], оно «распадалось изнутри».[38] В отсутствие оппозиции извне борьба за власть началась в самом правительстве. Авторитарный режим, по общему правилу, требует единого руководителя, и коллективное руководство, такое, как правительственные комитеты, не может существовать длительное время. И оружие для победы в этой внутренней борьбе имелось: механизм террора, сложившийся и упрочившийся при чрезвычайном режиме.

Закон «О реорганизации Революционного Трибунала» от 22 прериала (10 июня 1794 г.), навязанный Конвенту Комитетом общественного спасения вопреки ожесточенному сопротивлению депутатов и, в частности, отменивший судебную защиту и предварительное следствие по политическим делам, позволил развязать «Большой Террор», когда «власть наносила удары вслепую».[39] О подготовке этого закона почти ничего не известно, и историкам остается только предлагать более или менее обоснованные гипотезы на этот счет. Герен предполагает, что Робеспьер «льстил себе надеждой добиться таким образом законного уничтожения своих самых опасных врагов».[40] Затем, «ко всеобщей радости, он объявил бы [...] об окончании Террора, о возвращении к порядку».[41] Если это так, то он совершил роковую ошибку. Именно его враги использовали прериальский закон в своих собственных целях. Вынужденный покинуть правительство, Робеспьер мог лишь бессильно присутствовать при настоящей бойне, осуществляемой от его имени. Как отмечает Герен, его противники возложили «ответственность за Террор на одного человека в лице Робеспьера».[42]

Герен ошибается, утверждая, что «с 11 июня до 27 июля Революционный Трибунал вынес 1285 смертных приговоров».[43] В действительности число жертв было еще выше и достигло 1350.[44] Это было подлинным самоубийством революционного режима, которое завершилось кровавой развязкой термидора.

Юлия Гусева

ТЕРРОР ПЕРИОДА

ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

в ИНТЕРПРЕТАЦИИ Даниэля ГЕРЕНА

Здесь мы можем подвести итог нашего анализа интерпретации Даниэлем Гереном Террора во время французской революции. Заслуга Герена состоит в том, что он показал генезис этого феномена, раскрыл его причины, уделив особое внимание роли народных масс. Он исследует Террор, как и другие аспекты революции, под углом социальной борьбы, которая являлась главной движущей силой этой радикальной трансформации общества, наложившей отпечаток на всю последующую историю и оказавшей влияние на революционных активистов, идеи и события.

Однако один тезис Герена, одно его принципиальное утверждение о Терроре требует уточнения. В своей книге «Буржуазия и bras-nus» он пишет: «Большой Террор, проводимый этой дошедшей до предела диктатурой, не имел более ничего общего с народным террором 1793 года, вызванным волей санкюлотов и осуществлявшимся под их контролем».[45] Учитывая, что Террор в то время проводился исключительно властями, поставим вопрос: отличался ли его социальный характер в эти два периода? Вопрос этот Герен оставляет без ответа. Попытаемся ответить на него, опираясь на существующий фактический материал, разумеется, неполный, но достаточно обширный, чтобы сделать из него выводы.

Во-первых, необходимо отметить, что только 1% жертв Террора были казнены за «экономические» преступления (спекуляция, коррупция и пр.), [46] притом что «для них революционный трибунал придумал особое преступление – «торгашество»».[47] Далее, если оставить в стороне революционную риторику, видно, что Террор в 1793 – июле 1794 гг. вообще не носил классового характера. На различных этапах этого периода классовый состав жертв был примерно одинаков вне зависимости от их численности. Картина меняется лишь в два последних месяца революции (Большой или «парижский» Террор). Представители «низших классов» (lower classes) [48] составляли значительное большинство жертв как в марте-сентябре 1793 года (74%), так и в октябре 1793 – июне 1794 гг. (77%). Лишь после принятия закона 22 прериаля их число резко сократилось - до 42%. Напротив, число жертв из дворянства увеличилось в 3 раза (достигнув 20%), из буржуазии в 2 раза (24%) и из духовенства в 4 раза (более 22%). Одновременно количество представителей трудящихся классов сократилось в 1,5 раза (с 34 до 21%) и крестьян в 4 раза (с 33 до 8%).[49]

По обоснованному предположению Д. Грира, это объясняется специфическими местными особенностями. Речь, в частности, идет о Париже, где тюрьмы были переполнены арестованными, прибывшими из провинций (согласно закону 26 жерминаля), в которых Террор почти прекратился, и «подозрительными» дворянами и священниками, долгое время ожидавшими решения своей участи.

Более показательны статистические данные за 15 предыдущих месяцев. Из вышеизложенного возможно сделать лишь один вывод: независимо от того, кто руководил или «контролировал» Террор во время революции, диктаторское государство, народные массы или оба они вместе, каково бы ни было число их жертв, их социальный состав оставался неизменным. Террор, по своей изначальной идее направленный против врагов революции, а значит, врагов ее движущих сил, поражал не только и не столько их. Будучи оружием самообороны, политической борьбы, подавления, он представлял собой насильственное средство, лишенное социального содержания, орудие, которое в итоге начинает диктовать собственные правила тем, кто его использует.

Но если внимательно читать книги Даниэля Герена, можно обнаружить в них рассуждения, способные объяснить данный феномен. Имеется в виду критика буржуазного государства, которой он посвящает специальную главу в своей работе «Буржуазия и bras-nus».[50] Правда, этому государству он противопоставляет «народную власть», но на самом деле его критика применима ко всякому государству, каким бы ни была его организация (позднее он значительно развил свой анализ в фундаментальном труде «Анархизм»). И работы Даниэля Герена позволяют нам понять, что террор как насилие, осуществляемое *государством* (под давлением народа или нет, в революционных или иных целях), способен лишь привести к гибели подлинную социальную революцию.

[1] La lutte des classes sous la Première République, 1793-1797. En 2 vol. P., 1947; Bourgeois et bras-nus. P., 1973; La révolution française et nous. P., 1976.

[2] Guérin D. La lutte des classes sous la Première République, vol. II, 1968, p. 471.

[3] Guérin D. Bourgeois et bras-nus. 1998, p. 19.

[4] Дословно – «головики», беднота.

[5] Относительно немногочисленная, но активная группа, отстаивавшая крайние революционные требования.

[6] Муниципалитет Парижа, орган городского самоуправления.

[7] Военизированные отряды, сформировавшиеся в Париже, а затем на местах, «для подавления контрреволюции и охраны продовольствия». Их численность достигала нескольких тысяч человек.

[8] Guérin D. Op. cit., p. 137.

[9] Один из двух «правительственных комитетов», образован в апреле 1793 г. В период октября 1793 – июля 1794 гг. фактически осуществлял руководство страной, объединяя функции законодательной и исполнительной власти. После переворота 9 термидора утратил прежнее значение.

[10] Имеются в виду низовые революционные организации: клубы, народные общества и др.

- [11] Guerin D. Op. cit., p. 177.
- [12] Ревуненков В.Г. Очерки по истории великой французской революции 1789-1814 гг. СПб, 1996, с. 311.
- [13] Жак Ру (1752-1794) – бедный священник, один из лидеров «бешеных».
- [14] Guerin D. Op. cit., p. 119.
- [15] Ibid., p. 108.
- [16] Ibid., p. 118.
- [17] Ibid., p. 188.
- [18] Группировка революционного лагеря, имела значительное влияние в низовых революционных организациях Парижа и Революционной армии. Получила название по имени одного из своих лидеров журналиста Ж.-Р. Эбера.
- [19] Матъез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995, с. 460.
- [20] Guerin D. Op. cit., p. 187.
- [21] Ibid., p. 188.
- [22] Ibid., p. 133.
- [23] Ibid., p. 132.
- [24] Ibid., p. 196.
- [25] Ibid., p. 133-135.
- [26] Ibid., p. 269.
- [27] Ibid., p. 205.
- [28] Cf: Manuscripts of J.B. Fortescue esq. preserved at Dropmore. Vol. II. L., 1894.
- [29] Guerin D. Op. cit., p. 196.
- [30] Органы местного самоуправления, в которых имели право участвовать все избиратели. Париж делился на 48 секций (районов). После 9 термидора их общие собрания были запрещены.
- [31] Революционные или наблюдательные комитеты создавались в каждом населенном пункте или городском районе. В их полномочия первоначально входило наблюдение за иностранцами, затем – выдача свидетельств о гражданской благонадежности и составление списков подлежащих аресту. Ликвидированы после 9 термидора.
- [32] Народные общества – разнообразные, стихийно возникавшие с самого начала революции низовые объединения на местах (братские, секционные общества, клубы и др.). Особенное развитие получили с осени 1793 года. Оказывали влияние не только на общественное мнение, но и на местные и высшие власти.
- [33] Guerin D. Op. cit., p. 243.
- [34] Ibid., p. 234.
- [35] Cf: Guerin D. La revolution francaise et nous, op. cit.
- [36] На эту тему см.: Mathiez A. Les sñances des 4 et 5 thermidor an II aux deux Comites de salut public et de surete generale// Annales historiques de la Revolution francaise. 1927, p. 193-222.
- [37] Guerin D. Bourgeois et bras-nus, op. cit., p. 242.
- [38] Ibid., p. 244.
- [39] Ibid.
- [40] Ibid., p. 253.
- [41] Ibid., p. 254.
- [42] Ibid., p. 268.
- [43] Ibid., p. 244.
- [44] Cf: Wallon H. Histoire du Tribunal revolutionnaire. En 6 vol. P., 1851.
- [45] Guerin D. Bourgeois et bras-nus, op. cit., p. 244.
- [46] Cf: Greer D. The Incidence of Terror during the French Revolution. Cambridge, 1935.
- [47] Sedillot R. Le coute de la Revolution francaise. P., 1987, p. 209.
- [48] В эту категорию Грир включает не только рабочих и крестьян (которых называет *working classes* – трудящиеся классы), но и вообще людей со скромными доходами, не принадлежавших к дворянству и духовенству.
- [49] Cf: Greer D. Op. cit.
- [50] Guerin D. Op. cit, p. 176-178.